

В.В. Поддубиков

(Кемерово, Кемеровский государственный университет)

К экологической обусловленности традиционной хозяйственной специализации автохтонного населения Горной Шории

Практикуемые автохтонными этносами формы хозяйственного комплекса так или иначе служат основой существующих систем жизнеобеспечения, в условиях моноэтнического состава населения принимающих вид этноэкосистем, подразумевающих наличие тесных (функциональных по своему внутреннему содержанию) взаимосвязей между социально-экономическими характеристиками традиционного общества и экологическими параметрами осваиваемых территорий. В этой связи, анализ хозяйственной составляющей традиционных систем жизнеобеспечения автохтонного населения, на наш взгляд, должен проводиться с учетом всей совокупности особенностей занимаемой им экологической ниши.

Сама по себе идея детерминированности форм хозяйственной деятельности параметрами осваиваемых природно-территориальных комплексов сегодня ни у кого не вызывает возражений (Во многом этому способствовали разработки (как теоритического плана, так и в отношении исследования систем жизнеобеспечения отдельных этносов) этноэкологического направления в современной этнологии, представители которого в 90-е гг. предложили в качестве основного методологического принципа этносоциальных исследований рассмотрение всей совокупности характеристик этноса в контексте многоаспектного анализа его взаимодействия с окружающими ландшафтами (см. Козлов В.И., Комарова О.Д., Дубова Н.А., Лебедева Н.М., Ганжа А.Г. и др, 1991)) и присутствует в ряде работ, посвященных исследованию традиционного хозяйства шорцев (Потапов Л.П., 1936; Кимеев В.М., 1989; Садовой А.Н, 1993). Однако недостаточно разработанными остаются вопросы, связанные с выявлением и анализом конкретных взаимосвязей в системе «традиционные формы хозяйства – окружающая среда», изучением их функционального характера через определение адекватных оптимумов обеспеченности населения необходимыми ресурсами для развития производящих и присваивающих отраслей, оценкой воздействия состояния ресурсовой базы не только на показатели мощности приусадебного и промышленного комплексов, но и на формы организации соответствующих производственных, в том числе и поземельных отношений, лежащих уже в плоскости социальной конъюнктуры района.

Даже при беглом рассмотрении характеристик осваиваемых сельским населением Горной Шории природно-территориальных комплексов, обнаруживается их детерминирующая роль по отношению как к практикуемым системам жизнеобеспечения в целом, так и к формам организации хозяйственной деятельности шорцев, а также соотношению в хозяйственном комплексе производящих и присваивающих отраслей – в частности. Экологическая детерминанта в условиях преобладающих горно-таежных ландшафтов в Горной Шории прежде всего обуславливает высокий уровень значимости промышленного комплекса для жизнеобеспечения автохтонного этноса, что прежде всего вызвано ограниченностью, а зачастую и полным отсутствием здесь необходимых орографических, геоботанических и климатических условий для устойчивого развития ирригационного земледелия и экстенсивных форм скотоводства (т.е. производящих отраслей хозяйства), способных стабильно обеспечивать население, по крайней мере, минимально необходимый прожиточный уровень. Данное обстоятельство во многом и определило специфику традиционных форм хозяйства шорского населения, существенно завязанных на опромышление тайги в сочетании, однако, с получившими достаточно ограниченное развитие придомным (стойловым) животноводством и элементами мотыжного земледелия.

Орографические особенности доминирующих в Горной Шории ландшафтов во многом ограничивают возможности для интенсивного развития приусадебного комплекса в хозяйстве

не только автохтонного населения, но и русского (С самого начала реаклизации государственной переселенческой политики, пришлое население (русские переселенцы) осваивали преимущественно лесостепные участки, лежащие главным образом в северо-восточной части Горной Шории. При этом ими занимались специально отводившиеся переселенческие выделы. В результате как такового смешивания здесь автохтонного населения с русским не произошло, что дает возможность сравнения практиковавшихся титульным и коренным этносами систем жизнеобеспечения, которые при ближайшем рассмотрении не обнаруживают существенных различий в части природопользования и эксплуатации природных ресурсов. Данное обстоятельство уже было обнаружено А.Н. Садовым (см. Садовой А.Н., 1999, с. 58-74)). Так, существующая сложность рельефа (колебания абсолютных высот достигают 1262 м) и достаточно высокие показатели крутизны склонов (в среднем составляющих около 150–250, но местами варьирующими от 20 до 750) с одной стороны значительно затрудняют обработку почвы и технологии сенокоса, препятствуя внедрению в сельском хозяйстве новых агротехнических приемов и средств механизации, а с другой – определяют не только строгую ограниченность территорий, пригодных для сельскохозяйственного освоения, но и топологическую специфику в части локализации сельскохозяйственных угодий – пашен и сенокосов, не составляющих единого массива, а расположенных, как правило, в разорванном контуре, главным образом по склонам южной экспозиции, на лесных опушках и частично в долинных комплексах. Подобный характер распределения по территории с.х. угодий, не позволяющий интенсивно развивать производящие отрасли, по видимому, всегда был присущ традиционной системе землепользования шорцев (Его наличие в системе землепользования шорских территориальных общин конца XIX – начала XX вв. было зафиксировано в монографическом исследовании А.Н. Садового и было охарактеризовано автором как один из элементов т.н. «Мрасской системы землепользования» (см. Садовой А.Н., 1993, с. 79-88). Аналогичный же характер локализации сельскохозяйственных угодий был обнаружен в ходе социально-экономического обследования Усть-Анзасского и Чилису-Анзасского национальных сельских советов Таштагольского района Кемеровской области, проведенного группой этносоциального мониторинга КЛАЭ ИА и Э СО РАН летом 2000 года (Архив группы этносоциального мониторинга. Полевой дневник В.В. Поддубикова, ФЦП «Интеграция»)). Характеристики преобладающих типов почв также не способствуют развитию в Горной Шории земледельческой отрасли в хозяйстве населения. Абсолютным доминантом здесь являются характерные для ландшафтов черневой тайги мало пригодные для интенсивного развития земледелия подзолистые и глубокоподзолистые почвы. Почвы водоразделов при этом зачастую идентичны по составу почвам склонов, при колебании высот 50–800 м. Мощность же подзолистого слоя колеблется в долинных комплексах в пределах 50–60 см, а на склонах, где, как правило, располагались пашни – 15-30 см., чего явно было недостаточно для применения здесь технологий глубокой вспашки. Данное обстоятельство во многом и предопределяло практику использования автохтонным населением гораздо менее продуктивных агротехнических приемов, основанных главным образом на ручной обработке почвы. Температурный режим Горной Шории в целом отражает существенную ограниченность вегетационного периода культурных злаков. Он составляет не более трех месяцев (с конца мая по начало октября). При этом такой важный для сельского хозяйства показатель как сумма температур выше 100 С за год в Горной Шории колеблется от 1540 до 1810, а количество дней с этой температурой не превышает 114-118. Безморозный период близок к шести месяцам, с апреля по октябрь, однако заморозки нередко начинаются раньше (Куминова А.В., 1950, с. 5-15). Осадки в течение года распределены неравномерно, хорошо прослеживается зимний минимум и летний максимум, выпадающий на летние месяцы (особенно на конец июня – июль, т.е. на сенокосный период), что существенно затрудняет процесс просушки сена и способствует снижению качества заготавливаемых кормов. Приведенные экологические факторы определяли крайне

низкий уровень развития у автохтонного населения земледелия как составляющей традиционной системы жизнеобеспечения. Оно, по-видимому, в начале XX столетия не в состоянии было даже обеспечить необходимый прожиточный минимум шорских семей. Данное предположение уже было подтверждено А.Н. Садовым при проведенном им расчете потенциального выхода продукции с распахиваемых площадей. При этом месячная норма потребления одной семьей произведенного ею зерна (преимущественно ячменя, как доминирующей здесь культуры) за вычетом посевного фонда не превышала 0,2 – 0,3 ц. (Садовой А.Н., 1999), чего в любом случае не достаточно для удовлетворения даже самых минимальных потребностей при традиционно низком уровне потребления хлеба и мучных изделий (Нами же было подсчитано (на основе поимущественных списков, отложившихся в фонде землеустроительных партий, в 1912-1913 гг. работавших на территории Алтайского Горного округа – См. ГАКО ОДФ-59 оп 1 дд 1-85), что, с учетом средней численности семей, на 1913 год составлявшей 5,2 человека, на одного члена семьи в таком случае должно было приходиться не более 3-4 кг муки (и при том ячменной или же ржаной, существенно уступающей по пищевой ценности пшенице), что несопоставимо даже с биологически минимальной нормой употребления человеком хлеба). Земледелие в рамках традиционного природопользования оставалось исключительно вспомогательной отраслью и именно всилу приведенных выше характеристик осваиваемых ландшафтов не имело перспектив развития даже в случае применения передовых сельскохозяйственных технологий. В этой связи вряд ли можно говорить и об интенсификации в Горной Шории земледелия в результате контактов автохтонного населения с русским. Экологический оптимум обеспеченности автохтонного населения пашнями определить достаточно трудно, т.к. зачастую не известно реальное количество реально обслуживаемых площадей (в начале XX века довольно распространена была практика «заброса» на несколько лет ранее распахивавшихся участков с последующим использованием их под сенокосы (Данное обстоятельство отражено в делопроизводственной документации производителей землеустроительных работ (См. ГАКО, Ф.ОДФ-59, Оп.1, Д.7, Л.55-57). Такой поворот от земледелия к скотоводству скорее всего был вызван не столько его экономической неэффективностью, сколько налаживанием в начале XX века связей с региональным хлебным рынком)). Однако в целом очевидно, что высокого уровня этот показатель достигать не мог.

Не получило особого развития и животноводство, что было обусловлено экологически определенным отсутствием достаточных площадей для выпасов, характером локализации сенокосов и степени их продуктивности, низким уровнем энергетической ценности кормов, заготавливаемых на значительно преобладающих здесь притеррасных пойменных лугах, а также существенными затруднениями в части хранения и транспортировки сена. Ограниченное количество площадей для покосов определяло и низкий уровень обеспеченности семей скотом. Соответствующий усредненный показатель (при коэффициентах вариации, свидетельствующих о равномерном распределении хозяйств по данному признаку (Анализ распределения хозяйств по обеспеченности крупным рогатым скотом илошадьми с использованием методов статистического анализа вариационных рядов по выборочным полигонам исследования с охватом большинства населенных пунктов двух инородческих волостей Кузнецкого уезда Томской губернии был проведен А.Н. Садовым (См. Садовой А.Н., 1999)), составляющий не более 3-4 условных единиц к.р.с (Об обеспеченности населения мелким рогатым скотом говорить не приходится всилу практически полного его отсутствия в хозяйствах большинства семей. Что в свою очередь определено недостаточностью площадей для выпаса) на семью средней численности (5,2 чел.) вполне можно считать экологически детерминированным оптимумом, превышение которого явно было бы сопряжено со снижением рентабельности отрасли, вызванном несоответствием между объемами трудовых затрат на производство продукции животноводства и реального ее выхода. Столь слабое развитие приусадебного комплекса и характеристики ландшафтов (преобладание темнохвойной тайги с уча-

ствием пихты и кедра, а также осинники и березоосиновые леса), а также наличие разветвленной речной сети рек 2 и 3 порядка предопределили традиционную промысловую хозяйственную специализацию и ориентацию на ведение таких отраслей хозяйства как охота, сбор кедрового ореха, рыболовство. Эти отрасли при имеющейся сырьевой базе вобщем обеспечивали большинство населения товарно значимой продукцией и составляли основу жизнеобеспечения автохтонного населения. Однако и они не способствовали существенному повышению его прожиточного уровня. На основании составленных производителями землеустроительных работ, работавших в 1912-1913 гг. в Шории, нами было подсчитано, что доходы от промыслов, при высоком уровне однородности групп (стандартное отклонение ниже средних значений) колебались в пределах всего 35 рублей (ГАКО ОДФ-59, дд. 1-85). Существенную долю в этой сумме составляли поступления от реализации пушнины. Данное обстоятельство, а также влияние торгового капитала и способствовали интенсификации пушного промысла, что очень быстро привело к истощению промысловых ресурсов, и в первую очередь сокращению численности соболя – основного объекта пушного промысла (Янушевич А., 1994, Поддубиков В.В., 2000). В конечном итоге это обусловило лишь еще более низкий уровень жизни автохтонного населения. В этой связи ошибочными являются представления о налоговом гнете со стороны государства как об основной причине нищеты шорцев (Так, суммы оброчной подати налагаемые на поселки и затем распределяемые по семьям (по числу годных работников) крайне незначительны в сравнении даже с крайне невысокими доходами от промыслов. Так по ул. Карасу было начислено за надел всего 11 руб. оклада, 1,2 руб. на хозяйство (ГАКО, Ф.ОДФ-59, Фп.1, Д.50), что от суммы доходов от промыслов по улусу (358 руб.) составляло всего 3 %). Из приведенных выше характеристик функциональных связей их традиционного хозяйства и экологических параметров этнической территорий видно, что важнейшей такой причиной являлась специфика осваиваемых природно территориальных комплексов, ограничивающая возможности для развития приусадебного комплекса и предопределяющая ориентацию традиционной хозяйственной специализации на опромышленение тайги, также не являющееся источником стабильно высоких поступлений в семейные бюджеты. Т.о. автохтонное население Горной Шории традиционно практиковало комплексное по своему внутреннему содержанию хозяйство при достаточно низком уровне экономической эффективности каждой из его отраслей в отдельности, определяющей, в свою очередь, невозможность не только обеспечения необходимого прожиточного уровня, но и социального расслоения на основе ни одной из них – с одной стороны и специфику поземельных отношений – с другой. Последние в силу сложившегося экологически обусловленного дисперсного характера расселения и локализации осваиваемых угодий прежде всего характеризовались отсутствием четких границ между как сель.хоз., так и промысловыми участками населения разных населенных пунктов, общин родов и т.д. Кроме того само понятие земельной собственности в рамках традиционной культуры жизнеобеспечения шорцев имело достаточно условное значение и, как правило, сводилось к наследственному пользованию семьей комплексом сельскохозяйственных и промысловых угодий, которые, в случае их выхода из хоз. оборота семьи, вполне могли осваиваться их соседями.

Таким образом проведенный анализ традиционной хозяйственной специализации автохтонного населения Горной Шории отражает функциональный характер взаимосвязей практикуемого хозяйственного комплекса с осваиваемыми ландшафтами, определяющий и специфику социальных отношений, возникающих на основе природопользования. При этом изменения в состоянии ресурсовой базы вызывают соответствующие трансформации в системе жизнеобеспечения населения, не только в части его хозяйственной деятельности, но и социальной структуры.

Научный руководитель – д.и.н. А.Н. Садовой.